
Билан ДЗУГАЕВ

АХМЕТ АХМЕТЫЧ ОТОШЕЛ

Рассказ

1

Ахмет Ахметыч протер красные глаза. До обеда оставалось еще минут сорок, и раскладывать пасьянсы на компьютере ему уже осточертело. Чем бы еще себя занять?

От социальных сетей, особенно от Инстаграма, он тоже устал. Люди, вопреки всякой логике, демонстрировали, как интересно и счастливо они живут. Казалось бы, если пригрел свое маленькое счастье, спрячь от завистливых глаз и береги. Ан нет, выставляют всё, чтобы ты залыкал их насмерть. А может, выставляют потому, что не настоящее? Кто будет кричать на всех углах, что нашел сокровище? Только мошенник. Поколение мошенников.

Сам Ахмет Ахметыч был далек от того, чтобы выкладывать свои фотографии. Он вообще не любил, когда его снимали. Длинный, неприлично худой, с большими глазами и выпирающими скулами на смуглом лице, себе он на снимках никогда не нравился, и будь его воля, вообще запретил бы фотографировать людей.

Ахмет Ахметыч оглядел свой кабинет, одновременно разминая мучимую грыжей шею. Лампа под потолком давала раздражающе тусклый белый свет. За большим, нестандартных размеров окном, выходящим на центральную улицу, упорно моросил дождь. Коллега куда-то запропастился, забыв на столе неутомимо вибрирующий телефон. Интересно, кому он так сильно нужен?

— Башир не у вас там? — просипел Ахмет Ахметыч в трубку, набрав общий отдел, что на втором этаже. — Ему тут звонят. — Голос от долгого молчания подвел, став чужим.

— Ахмет Ахметыч, ты? — весело прокричали в ухо, — поднимайся к нам, у Салмана день рождения, тут торт!

— Ага, сейчас подойду, — ответил он, кладя трубку. Он, конечно, не собирался наверх. Шум, гам, еще и поздравлять придется. Подбирать слова. Не любил он эти сборища. Обязательно начнутся шутки про имя... Имя-то у него хорошее, беда только, что у отца такое же было. Не принято у ингушей сыновей в честь отцов называть. Поэтому когда после университета он пришел сюда на работу и все прознали, что он по паспорту Ахмет Ахметович, отчество вопреки нормам ингушского разговорного этикета намертво прилипло к имени. Теперь никто уже не обращался к нему иначе

Билан Бисланович Дзугаев родился в 1987 году в городе Таганроге. Окончил Государственный университет управления Москвы по специальности «юриспруденция». Участник Форумов молодых писателей в 2014 и 2015 годах. Публиковался в сборнике «Новые писатели-2015». Повесть «Стон земли» издана книгой в Ингушетии в 2017 году и попала в шорт-лист Международной премии им. Ф. Искандера в 2018 году. Живет в городе Сунже.

как «Ахмет Ахметыч». Впрочем, утешал он себя, с возрастом это будет не так уж нелепо. Да и грех жаловаться, все-таки надо гордиться, что носишь имя отца. А люди всегда найдут повод позубоскалить.

И поэтому очень кстати, что его кабинет — на первом этаже. Не надо подниматься, ни с кем лишний раз сталкиваться. Зашел в железную дверь входа с улицы, и буквально через пару шагов ты в кабинете. Какое-никакое, а все-таки убежище.

Наконец наступило святое для госслужащих время обеда. Ахмет Ахметыч вышел из здания, и, поеживаясь от холода и мороси, побрел к банку. Мать попросила отправить деньги тете, что жила в Ставрополе. Что это за деньги, зачем их отправлять и так далее — Ахмета не интересовало. Надо так надо. К его радости, очередей к банкоматам практически не было. Видимо, потому, что сегодня все три исправно работали, какая неожиданность.

Его очередь быстро подошла, и пока он шарил в карманах в поисках пластикового прямоугольника, стоящий сзади мужчина, тронул его за плечо.

— Ты не мог бы мне помочь? — обратился он по-ингушки. — Я карту дома забыл, а мне денег нужно перекинуть.

— М-могу, — ответил Ахмет Ахметыч, чуть помешкав. Вот так с ходу причина для отказа не нашлась в его голове. Мужчина не вызывал каких-либо подозрений, лет пятидесяти, высокий, даже выше него, седой, в традиционной тубетейке. Зубы только нехорошие — железо да кое-где золото. И сам он был как старое железо, лицо серое, куртка выцветшая, серые волосы, что-то между черным и седым.

— А кому отправляете? — заставил себя спросить Ахмет Ахметыч.

— В Волгоград. Услугу одну хотел оплатить. Тут немного, семьсот пятьдесят рублей.

Потыкав пальцем по непослушному экрану, Ахмет Ахметович попросил продиктовать номер карты. Мужчина продиктовал, а затем уточнил:

— Ну что, «Юлия Анатольевна» высветилась там?

В самом деле, экран показал, что перевод будет осуществлен некой Юлии Анатольевне К. После чего машина деловито втянула мятые купюры.

«Никогда не переводите денежные средства незнакомым вам людям» — предупредил банкомат перед тем, как Ахмет Ахметович нажал кнопку подтверждения. Деньги ушли. «Выдать чек?» Ахмет Ахметыч снова ткнул, слегка ушибив палец. Аппарат выплюнул тонкую бумажку. Ахмет Ахметович постеснялся при мужчине забрать чек себе, поэтому он просто положил его на клавиатуру банкомата.

— Спасибо, выручил, — поблагодарил мужчину, а затем, быстро протянув длинную костистую руку, забрал чек и сунул его в карман куртки.

— Да не за что, — только и успел ответить Ахмет Ахметыч, когда проситель уже вышел из здания банка.

2

На работе все было, как обычно, тихо. Башир сидел в кабинете, читая что-то на экране монитора.

— Торт тебе принес, — кивнул он на стол, — че не поднялся?

— Да не успел как-то...

Ахмет Ахметыч снял мокрую куртку и, повесив ее на вешалку, двинулся к своему креслу. Кресло это, надо сказать, по всей видимости, задумывалось изготовителем удобным и деловым, но за годы использования обрело свой довольно скверный характер. Оно то слишком высоко поднималось, то чересчур резко опускалось к полу, не говоря уже о таком его качестве, как феноменальная ускользаемость. Ахмет Ахме-

тыч не был уверен, что такое слово существует, но был уверен, что оно точно отражает ситуацию: стоило за работой слегка пошевелить ногой, как его тут же укатывало куда-то в сторону от стола. Впрочем, Ахмет Ахметыч был не из тех людей, кто рвется преодолевать препятствие, едва оно покажется на горизонте. Более того, у него было такое выдающееся и необходимое для нашего времени качество, как умение быстро ко всему привыкать. Поэтому еще вчера неудобное кресло сегодня становилось родным и даже необходимым в хозяйстве, попадая в светлый круг привычного, а значит, безопасного. А робкие попытки выпросить у начальства новое кресло Ахмет Ахметыч быстро оставил.

— Там начальник просил тебя почту глянуть.

— Что на этот раз? — только бы не очередной зубодробильный отчет. Он еще не отошел от предыдущего задания. В прошлый раз ему ни много ни мало поручили перепечатать и отсканировать кучу старой архивной документации, с годов аж тридцатых, сотни томов. Ахмет Ахметыч переписывал эти данные почти три недели и вот наконец закончил пару дней назад. Он заслужил отдых. Он имеет на это право! Впрочем, глубоко в душе Ахмет Ахметыч чувствовал удовлетворение, работа ему понравилась. Было приятно сидеть в архиве, ни с кем не разговаривать целыми днями, читать о делах и людях, которых давно нет на свете. Ахмет Ахметыч подозревал, что начальник нарочно поручил это дело именно ему, как человеку наиболее подходящему.

Он открыл письмо. Ну конечно! Снова отчет. Не таблицы, а прямо сизифов труд. Ахмет Ахметыч заполнял их не меньше десятка в месяц, в полной уверенности, что их никто и никогда не читает. И слава богу. Сводный мониторинг утвержденных в предыдущем полугодии нормативных актов в сфере развития коммунального хозяйства? Не вопрос, что бы это там ни значило. Таблица проведенных проверок среднеобразовательных учреждений в части качества школьного питания за третий квартал? Щас сделаем! Ну и так далее.

Следующий час он заполнял таблицу. Дело нехитрое. Голову включать нужно, как при вождении автомобиля по давно известному маршруту. Корректируешь курс, и снова на автопилот.

Таблицу прочерчивали четырнадцать столбцов по вертикали и десять строк по горизонтали. Показатели необходимо было выставить по сравнению с тем же кварталом, но только прошлого года. Если совместить данные...

«Не переводите средства незнакомым вам людям», — вспомнил он, замерев. А ведь именно это он и сделал. Перевел деньги незнакомому человеку. А вдруг это подстава? Не забыл он никакую карту, наверняка хотел скрыть след. Вдруг он перевел деньги террористической группировке? Да ну... террористическая группировка по имени «Юлия Анатольевна»? Ерунда!

Так, нужно поднять отчет за прошлый год. Должен быть на компе. Или в локальной сети. Там точно будет.

А что если «Юлия Анатольевна» — это просто грамотное прикрытие? Но семьсот пятьдесят рублей? На такие деньги и пенсионер-то не проживет, не то что террорист.

Он сказал: в Волгоград. Почему Волгоград? И что это за услуга, которую надо оплачивать не организации, а человеку?

— Эй, чего завис?

— А?

— Случилось чего? Ты сегодня молчаливей обычного, — оказывается, Башир какое-то время наблюдал за ним. Эх, были времена, когда он сидел в кабинете один.

— Да так, задумался.

— Слишком много думаешь, старина. Заканчивай работу, сегодня начальник пораньше уходит, а за ним и мы с тобой потопаем.

- А ты свои данные сюда вобьешь?
- Да зачем? Ты же можешь мои вбить? Тебе ж не трудно?
- Да нет, но...

А все-таки... Вдруг он послал деньги себе на беду? Надо было отказать. Сказать что-нибудь вроде: прошу прощения, но это не моя карта, а с чужой карты мне неудобно переводить. Что-то в этом роде.

А если завтра за ним придут? Он выглянул в окно, серые тучи нагоняли тревогу.

Ахмет Ахметович представлял, как следователь расспрашивает его о переводе.

«Да, незнакомый мужчина. Подошел и попросил. Ранее не видел. Да, сказал за услугу или услуги. Юлия Анатольевна. Нет, я не знал, зачем ему. Почему не отказал? Неудобно было... Вы должны понять, что я не виноват, это же наши обычаи, как отказать старшему?..»

— А вы почему торт не едите, он домашний, — голос Ады прервал его мрачные размышления. Когда она успела войти? Ахмет Ахметыч уловил легкий аромат духов.

— Ахмет Ахметыч, все хорошо? Что не в настроении? — Ада улыбалась, что-то поправляя на столе Башира.

— Да все нормально, ночью мало спал, да и отчеты эти...

— Кушать надо больше, и так уже тощий, не кормят тебя дома, что ли?

— Некому пока кормить, — сказал Ахмет Ахметыч, чувствуя, что краснеет.

Башир засмеялся. Ада что-то еще говорила, но Ахмет Ахметыч не слушал. Всегда так, почему-то при виде Ады он конфузился и говорил невпопад.

— Ну ладно, не буду вам мешать... попробуйте торт, наконец, — добавила она за чем-то в конце и ушла, деликатно прикрыв дверь.

— Жениться тебе надо, старик, — промычал Башир, жуя угощение, — не маленький уж, двадцать пятый год пошел, а все в уклонидах.

— А на ком?

— Да хоть бы на Аде, — ответил Башир и снова захохотал. Он, конечно, давно понял, что бойкая Ада из канцелярии приводит Ахмета Ахметыча в душевный трепет.

Явление Ады на какое-то время рассеяло смутную тревогу, и он, сделав над собой усилие, смог докончить отчет. Последние цифры он взял с потолка, так как в прошлогоднем отчете в нужных графах почему-то стояли прочерки.

3

Ночью он внезапно проснулся. Потом долго ворочался в постели, чувствуя, как беспокойство завладевает всем его существом. Что-то не давало покоя, что-то произошедшее сегодня, но он не помнил, что именно. Так бывает, когда думаешь о чем-то неприятном, а потом, отвлекшись, забываешь. Но сознание почему-то возвращает тебя в прошлое, слепо шарит где-то в голове, пытаясь нащупать оборванные нити мыслей. Ты этому сопротивляешься, но оно упорно продолжает. Как будто отколупываешь засохшую корочку с царапины: болезненно, но не можешь остановиться. Вот и здесь: разум пытается восстановить свою работу, откатываясь назад к точке обрыва, и, возможно, в этом для него приятность, но ты бы предпочел не вспоминать, пребывая в блаженном неведении.

Может быть — это такой защитный механизм сознания, чтобы не дать человеку фантазиями и самообманом закрыться от опасностей, требующих, чтобы их немедленно избежали.

Он вспомнил, чувствуя, что холодеет. Банкомат. Мужчина с железными зубами. И руки, длинные руки.

Да ладно. Это ж полный идиотизм. Ну, отправил деньги... В самом деле, он же ничего такого не совершил. Даже если (просто гипотетически) деньги ушли экстремистам, он-то ни при чем. А надо было все-таки отказать. Вежливость вежливостью, но нынче времена другие. Можно подвезти человека, а позже окажется, что это был террорист. А ты теперь соучастник. Или передать кому-нибудь пакет, и все, ты пособник. Даже если оправдают, все равно попадешь во множество черных списков. Не сможешь устроиться на работу, не сможешь открыть счет в банке, не сможешь вести бизнес. Чуть что, про тебя вспомнят и припомнят. Привлекут и прикуют. Жизнь сахаром не покажется. Убьют, и докажи, что было не за что. Ты будешь всегда мертв и всегда не прав.

Так что лучше поменьше заниматься альтруизмом. Все. Больше он такой глупости не совершит. Один раз оступился, со всяким бывает. Больше не повторится. Никогда. Негативный опыт — тоже опыт. Он извлек свой урок. Это только на пользу. Да, все, что не убивает... С этими мыслями он провалился в сон.

Снились ему железные зубы. Серый человек куда-то звал. Он отказывался. Серый тянул его. Тогда пришла мама и сказала не ходить. Но он почему-то не смог не пойти. Серый его повел, и они оказались в комнате. Там сидел следователь, тоже серый, и нужно было правильно отвечать на вопросы, чтобы попасть в следующую комнату. Вопросы он не помнил, но, кажется, отвечал правильно. Железные Зубы торопили. Теперь Ахмет тоже это чувствовал. За ними кто-то шел. Что-то темное, тень. Она преследовала и ни в коем случае не должна была их догнать. В следующей комнате они встретили Аду, но звали ее почему-то Юлия. Она улыбалась и тянула к нему руки, но когда он подошел к ней, она вдруг вцепилась в него и не отпускала, не отпускала, пока тень не вступила в комнату.

Рано утром Ахмет Ахметыч, как обычно, поплелся на работу. Ходил он пешком, ведь администрация буквально через квартал. Ахмет любил приходить на работу раньше всех. Можно было ни с кем не здороваться. Спокойно попить чай. Не слушать болтовню Башира. Просмотреть новости. Полистать ленту в телефоне. В очередной раз обжечь этот уголок, называемый его кабинетом.

Подходя к зданию, Ахмет заметил припаркованную неподалеку черную «приору», без номеров, с тонированными стеклами. Ахмет не мог разглядеть, кто сидит в машине, но было ощущение, что за ним наблюдают. Ускорив шаг, он быстро прошмыгнул в железную дверь.

В кабинете, прежде чем снять верхнюю одежду, он подскочил к окну и, осторожно раздвинув жалюзи дрожащими пальцами, выглянул на улицу. Машины не было.

4

Башир на работу не явился. Ничего необычного. Он часто отпрашивался. В общем-то, хороший парень, только работой не интересуется. Впрочем, Башир пользовался тем, что Ахмет Ахметыч всегда прикроет, подчистит хвосты, закроет долги, одним словом, сделает как надо за них обоих.

Ахмет Ахметыч не верил в существование закона подлости, но вот именно сегодня трепотня Башира ему совсем не помешала бы. Он был даже не прочь послушать про машину Башира («солярис», старина, это хоть и не зверь, но надежная лошадка. Да, у нее есть болезни, рулевая колонка... и окно лобовое запотеваает...), про его стройку (ты прикинь, в Хасав-Юрте почти на сто рублей дешевле ламинат. И восьмерка, и двенашка! Хотя у нас в Слепцовске дешевле, чем в Назрани. Все равно, если оптом брать плитку и ламинат, лучше туда ехать...), про что угодно, лишь бы сегодня не сидеть одному.

Может, подняться к Аде? Сделать вид, что кончилась бумага... Поговорить. Нет, придется общаться с остальными. И торт он не съел, а вдруг она про него спросит? Хотя день рождение-то не ее, какое ей дело вообще? Ахмет Ахметович не мог ей объяснить, что он не любит есть то, что не приготовлено дома. Мало ли, что там добавлено. Да и вообще. Всякое бывает. Или когда его несли, чей-то волосок мог туда упасть. Или резали немывтыми руками. Или... да и мама советует не есть чужое.

На улице просигналили, заставив его вздрогнуть. Он снова, почти на цыпочках, подкрался к окну и медленно выглянул. Оказалось, что это просто машина начальника. Наверняка спросит, как там с отчетом. Нужно перепроверить. Нужно отвлечься.

На какое-то время он снова погрузился в рабочую рутину. Закончил только к обеду. Ахмет решил прогуляться, подышать осенним воздухом. Погода на улице наводила грусть, небо угнетало неподвижной тяжестью, холодный ветер пробирался под легкую болоньевую куртку.

Почему вчерашний случай так беспокоит его? Он же все-таки мужчина. Он поступил как должно, из чувства вежливости (или просто не нашел в себе воли отказать — подсказал голосок в глубине души). Он поступил как должно, — упрямо повторил он про себя, а там будь что будет. Мама говорит, что это было любимым выражением отца. Отец пропал в девяносто третьем. Поехал в Пятигорск навестить деда в больнице и не вернулся. До деда он не доехал. Потом долго искали, но так и не нашли. Свидетели рассказали, что его сняли с машины вооруженные люди и, затолкав в другую машину, увезли с собой. Кто-то потом подбросил во двор записку: «Он умер, не ищите». Бабушка с дедушкой еще лет десять ходили по инстанциям, что у нас, что у соседей. Умоляли отдать им хоть тело сына, чтобы похоронить по-человечески, но тщетно. Сам он отца никогда не видел. Родился через несколько месяцев после его исчезновения. И назвали его в честь отца. Одного Ахмета Бог забрал, а другого — дал, — сказал тогда дед.

Вечером, перед уходом домой, он, как обычно, просматривал ингушские новостные сайты. Среди бодро-фальшивых сообщений о сходе местных жителей Гамурзиева и приездом главы республики в какую-то школу, мелькнула новость, которая привлекла внимание Ахмета к себе. Ростовский гарнизонный суд осудил группу участников незаконного вооруженного формирования *и их пособников* на длительные сроки тюремного заключения.

Но он же не при делах. Он ничего не сделал. Вот уже четыре года он утром приходит на работу, а вечером — домой. И все. В мечети он нечасто бывает. А если видит каких-нибудь парней с бородами, обходит их за километр. Ему с детства вдальбивали, что он один в семье и должен себя беречь. Так что даже если что не так, то там разберутся и отпустят. Пусть посмотрят, чем он живет, чем занимается. Пусть проверят его телефон. Он ни в чем не замешан, даже близко ни к чему такому не подходил.

А все-таки если один раз зацепят, потом не отмажешься. Двоюродный брат как-то на свадьбе общих родственников рассказывал, что по всей России судебная система работает с обвинительным уклоном, и если на тебя завели дело, то осудят с вероятностью чуть ли не девяносто девять процентов. Оправдательных приговоров практически нет.

— Как же так, — спросил он тогда брата, — а если выяснится, что человек не виновен? И тогда осудят?

Брат рассмеялся.

Домой Ахмет шел украдкой, оглядываясь по сторонам. Мало ли.

Ночью мучили кошмары. Он несколько раз просыпался. Чувство тревоги во сне не отпускало, наоборот, только усиливалось. Несколько раз он вставал, пил воду. Ка-

залось, что-то навалилось на грудь и мешает нормально дышать. Глубоко вдохнув-выдохнув, прочитав все известные молитвы, он снова ложился спать.

Утром Ахмет решил идти в полицию. Серое здание находилось буквально в квартале от администрации. Он шагал стремительно, лишь на мгновения задерживаясь, чтобы обойти очередную бессмертную лужу.

А что он им скажет? Я хочу заявить о потенциальном преступлении? Звучит, как в кино. Хочу заявить о возможном... О чем? Что он действительно знает? Надо было распечатку с банка взять. А вдруг это просто безобидный перевод и он подставит незнакомого человека? Да ладно, если там ничего криминального... а если они все равно его свяжут с этим? Организованная группа. Он пришел помочь, а они его все равно пришлют к делу? Или как там они говорят...

Подъезд к районному отделу с обеих сторон улицы был перекрыт бетонными блоками. Это еще ничего, после того нападения в 2004-м здесь вообще БТРы стояли и солдаты в касках с пулеметами. Умертвили весь район — местные магазины, кафе, ателье — все позакрывалось в те годы.

Он прошел через узкий вход мимо блоков и двинулся к дверям.

— Эй, эй, — послышалось сзади. Из будки выбежал молодой парень в камуфлированной форме и с автоматом наперевес, — ты куда идешь?

— Я? Я просто мимо. Мне на ту сторону улицы.

Парень оглядел его снизу вверх и молча вернулся в будку, а Ахмет, как дурак, поперся мимо отдела к противоположному концу квартала, чувствуя себя как магазинный вор, проходящий мимо пикалок на выходе. И почему он так ответил? Ладно. Позже он наберет двоюродному брату и проконсультируется.

У входа в администрацию снова стояла та черная «приора». Сердце Ахмета тяжело застучало.

— Ты не знаешь, что это за машина? — спросил он у охранника, оторвав того от телефона.

— Понятия не имею, ментовская, наверное, — беспечно отвечал охранник, — только они с затемненными окнами и без номеров будут ездить.

Ответ охранника только усилил беспокойство Ахмета.

На этот раз, когда он выглянул из кабинета в окно, машина все еще стояла. Это, наверное, не к нему. Может, полиции удобно здесь парковаться, так как перед самим отделом нет места. Но Ахмет сам себе не верил. Не надо было делать этот перевод. Там же написано для дебилов: «Не переводите деньги незнакомым лицам». Четко и ясно! Не переводите! Мы вас предупреждаем! Не делайте этого! Не создавайте себе проблем! Будьте бдительны! Будьте осторожны! Не верьте никому! Не...

— Ты чего там бормочешь? — Башир внимательно глядел на него с другого конца стола, — заболел, что ли? Бледный какой-то.

— Все в порядке. Ты не мог бы посмотреть в окно? Черная «приора» стоит там?

— Зачем это?

— Ладно, забей.

Ахмету Ахметычу вдруг захотелось уйти. Сидеть он не мог. Тяжело дыша, он встал, воздуха не хватало.

— Мне надо выйти.

Но, не доходя до железной двери на улицу, он остановился. Они наверняка стоят там.

Тут он вспомнил, что хотел позвонить брату. Он набрал номер. Пошли гудки. Они же могут слушать — молнией мелькнула мысль, и он быстро отключил телефон. Нелзя звонить, он сам себя сдаст. Стерев выступивший на лбу пот, Ахмет вернулся в кабинет. Башира не было. Ахмет налил себе из чайника воды и залпом выпил. Легче

не стало. Он себя накручивает. Все это полный бред. Ему нужно успокоиться. Он не сделал ничего такого. Он...

— Ахмет, там один тип в форме пришел, тебя спрашивал, — сказал Башир, входя в кабинет.

— Чего хочет? — прохрипел Ахмет онемевшим ртом.

— Да не знаю, встретил его у дверей, сказал — сейчас приду и покажу твой кабинет. Я все равно уходить собирался, дай, думаю, куртку возьму. Ну так че, привести его?

— Ага...

Только Башир вышел в коридор, как раздался звон бьющегося стекла. На мгновение замерев, Башир рванул обратно. Кабинет зиял разбитым окном. Кресло, в котором только что сидел Ахмет, лежало, отброшенное, на полу. В кабинете было пусто. На мгновение Баширу показалось, что в окне, он увидел бегущую вдалеке, среди припаркованных машин, фигуру. Башир моргнул, и фигура исчезла.

— Что это было? — спросил мужчина в полицейской форме, выдергивая Башира из ступора.

— Не знаю... — отвечал он, с трудом отводя взор от терзаемых холодным ветром жалюзей.

— Вам в окно камень, что ли, бросили? А вообще, где Ахмет Ахметыч? Мне сказали — он в отчетах разбирается.

— Отошел.